

Глядя на эту сцену слёз и рыданий, Вэнь Жунь не мог не задуматься: что же всё-таки натворила эта женщина?

Он хотел спросить, но чувствовал, что неудобно лезть в чужие дела. К счастью, дядя Ян громко сказал:

— Хватит реветь! Идите в дом, там и поговорим.

Тётушка Ян наконец подняла голову, увидела Вэнь Жуна и поспешно вытерла слёзы:

— Пойдём, сестрёнка, зайдём в дом, там всё расскажешь.

Летом рассветает рано. Вэнь Жунь прикинул, что сейчас, наверное, только четверть пятого утра — солнце взошло совсем недавно.

В такое время даже самые трудолюбивые крестьяне ещё спят. А тут вдруг такой плач на всю деревню — не только дурная примета с самого утра, но и просто мешает людям выспаться.

Дом семьи Ян сильно отличался от дома Ванов. У Янов были взрослые хозяева — настоящий крестьянский двор. В главном доме три большие комнаты: супруги жили в восточной, дети — в западной. По обе стороны двора стояли флигели — по три комнаты с каждой стороны. Западный флигель использовался как кладовая, в том числе для хранения зерна.

Восточный флигель служил складом для всякой всячины и конюшней.

Кухня у крестьян всегда располагалась за главным домом — там находилось одно общее помещение, совмещающее в себе кухню, дровяной сарай и водяную комнату. Перед домом и за ним тянулись огороды по три-пять му каждый. Весь год семья питалась в основном с этих грядок.

В древности даже у крестьян были строгие правила пользования землёй: основные наделы предназначались исключительно для выращивания зерновых культур. Что именно сеять — решал сам хозяин, но сажать что-то кроме зерна на этих полях было запрещено. Максимум, что разрешалось — иметь при доме три-пять му огорода для собственного потребления.

А ведь у крестьянской семьи земли и так немного! Обычно именно на эти несколько му и разрешалось сажать капусту, редьку, картофель и другие овощи на зиму — чтобы в холода не остаться совсем без еды.

В небольших семьях это ещё работало, но если в доме жило десятка полтора ртов — взрослых и детей — даже пять му капусты не хватало бы.

Да и вообще, разве можно всё поле засадить одной лишь капустой?

Конечно, существовали и специальные овощеводы — их называли «цай нун» («овощные крестьяне»). Но у них было своё правило: их наделы можно было использовать только под овощи, а зерно сажать запрещалось!

Если же обычный крестьянин всё же решал заняться овощами, то и ему разрешалось использовать не более трёх-пяти му. Таков был закон.

Ведь если цены на овощи взлетят, и все начнут сажать только их ради продажи, кто же тогда будет выращивать зерно? Люди живут хлебом, а не одними овощами! К тому же казна принимала налоги только деньгами, зерном и, максимум, тканью.

Всё остальное не имело значения.

В древности зерно стояло на первом месте, затем шла ткань, и лишь на третьем — медяки.

В отдалённых районах вообще сохранялся натуральный обмен — люди расплачивались товарами, а не монетами.

Поэтому у каждой крестьянской семьи перед и за домом обязательно был огород — для собственного пропитания. А на основных полях сеяли в основном поздние овощи: они хорошо росли и не требовали слишком много ухода.

У семьи старого Яна вокруг дома со всех сторон тянулись огороды — супруги были очень трудолюбивы и засадили всё подчистую.

У Вэнь Жуна, в доме Ванов, было так же, хотя там жил только один учёный и трое детей — сколько они могли обработать? Да и съесть столько не успевали. Но всё равно огород был засажен полностью: лишнее сушили или солили на зиму.

А за задним огородом у них находились выгребная яма и загон для домашней птицы.

Во дворе держали кур, уток и гусей, а к югу от западного флигеля жила целая свора сторожевых собак.

Вэнь Жунь последовал за ними в дом и увидел, как трое детей семьи Ян робко выглядывали из-за двери.

Дядя Ян мягко, но твёрдо отправил их обратно — мол, нечего детям слушать взрослые разговоры.

Когда дети ушли, стало легче говорить.

— Так что же всё-таки случилось? — спросил Вэнь Жунь, усаживаясь. — С самого утра слышу плач... Тётушка, это ваша сестра?

Вэнь Жунь отличался от обычных крестьян — его присутствие как-то сразу успокоило сестру тётушки Ян. Она перестала громко рыдать и теперь лишь тихо всхлипывала, стирая слёзы.

— Да, это моя младшая сестра. Зови её тётушкой Цуйхуа, — сказала тётушка Ян, тоже вытирая глаза. — Наш Ляньхуаао — всего лишь место для поселения беженцев. Когда-то сюда пришло множество семей, но выжили лишь немногие. Ты здесь уже давно, так что не стану от тебя скрывать: посмотри на семью Ванов — у них остался лишь дядя со стороны отца, больше никаких родственников, даже со стороны матери нет.

Вэнь Жунь кивнул:

— Да, это так.

— Всё потому, что мы все пришли из одной деревни. Мои родители привели нас с сестрой, а старые Ваны пришли вдвоём — муж с женой... У меня больше никого не осталось, у Ванов тоже погибли родители. Их сыновья женились на других беженках, так что у них тоже почти нет родни. — Тётушка Ян вздохнула. — Если бы у них были родственники, Ван Цзюнь не оставил бы своих младших брата и сестру на попечение соседей вроде нас.

Семьи Янов и Ванов не были связаны ни кровью, ни родством — просто соседи.

И обе пришли сюда как беженцы, собранные со всех уголков Поднебесной.

Отсюда до их родных мест — тысячи ли. Родные деревни ушли под воду во время наводнения, предковые могилы смыло, дома исчезли.

— После того как мы с сестрой пришли сюда, — продолжала тётушка Ян, — она оказалась красивее меня. Я вышла замуж за твоего дядю Яна, а она не стала искать мужа в деревне, а ушла замуж в Линьшаньчан («Лесопильный стан»). Приданое у неё было скромное, но по тем временам — очень даже щедрое: целых два лян серебра! Там тоже когда-то селились беженцы, ещё со времён основания династии — больше ста лет назад. Сейчас это место не сравнить с уездным городом, но уж точно лучше обычной деревни. Она вышла за третьего сына семьи Линь. Уже десять лет замужем, но детей так и не родила...

Вэнь Жунь сразу понял:

— Её развели из-за бесплодия?

— Нет, ребёнок у неё был! — покачала головой Люй Цуйхуа. — Был! Просто работы там столько... Я совсем измучилась и потеряла ребёнка...

— Почему ты раньше не сказала?! — всплеснула руками тётушка Ян. — Я думала, у тебя вообще никогда не было...

Бездетность и потеря ребёнка — это совсем разные вещи.

Если ребёнок был, значит, со здоровьем всё в порядке.

И это вовсе не «отсутствие потомства» — просто не удалось родить.

— Как я могла сказать, сестра? — горько прошептала Цуйхуа. — У нас с тобой только мы двое и остались. Родителей больше нет. Я несколько раз приезжала к тебе в гости после замужества — ты рожала, зять тебя любит, хоть и бедно живёте, но душа радуется. А у меня... хоть и кормили досыта, но работала до изнеможения. В доме Линей пять сыновей, три дочери, пять невесток и куча внуков — все трудились. А я и так слабого здоровья. Старшая невестка давно хотела выдать замуж свою овдовевшую сестру за Линь Сань-эр («третьего сына Линей»), но старуха не соглашалась — мол, вдова не подходит. Но Линь Сань-эр уже давно крутил с той вдовой... И вот теперь она, кажется, забеременела. Он начал винить меня, что я не даю ему детей, и стал требовать развода любой ценой! Я не хотела умирать... Но он сначала хотел просто избить меня до смерти, чтобы освободить место своей вдове!

Глаза женщины покраснели от слёз, которые, казалось, уже иссякли.

— Мне некуда было идти... Я пришла к тебе. Вчера уже пришла, но вас не было дома. Ночевала несколько ночей в поле...

Её речь была прерывистой, местами путаной, одежда — изорвана в клочья, ни сумки, ни узелка при ней не было.

— Цуйхуа, хватит, — мягко сказала тётушка Ян и посмотрела на мужа.

Дядя Ян кивнул. В такой момент отказаться от неё — всё равно что толкнуть в пропасть.

Но Вэнь Жунь нахмурился:

— А разводное письмо («суйшу») тебе дали?

— Дали, — Цуйхуа дрожащими руками вытащила из-под одежды помятый листок. На нём действительно было написано разводное письмо, и в качестве причины значилось «отсутствие потомства».

Вэнь Жунь знал про Линьшаньчан — благодаря торговле лесом там жили зажиточнее, чем в обычных деревнях. Дома у всех — кирпичные с черепичными крышами.

<http://bllate.org/book/15642/1398030>